

Семья Воейковых и Русское географическое общество

Мне посчастливилось унаследовать богатый семейный архив, значительную часть которого составляют письма моей прабабушки Ольги Александровны Воейковой, урожденной Толстой.

Ольга Александровна
Толстая-Воейкова

Усадебный дом Воейковых в Самайкино. Конец XIX в.

В письмах Ольги Александровны Толстой-Воейковой, которые уже опубликованы¹, не раз упоминается Русское географическое общество. Ольга Александровна родилась в 1858 году в семье сызранского дворянина, нумизмата и коллекционера Александра Васильевича Толстого. Она знала в совершенстве четыре иностранных языка и всю жизнь вела обширную многоязычную корреспонденцию в России и за границей. Она, в частности, писала очень регулярно родным, попавшим после революции в эмиграцию в Маньчжурию, описывая как можно подробнее жизнь семьи, оставшейся в СССР. Жила у сына Дмитрия в Ленинграде, где и умерла в 1936 году.

Ее связь с Географическим обществом объясняется тем, что деверем Ольги Александровны был знаменитый географ, климатолог Александр Иванович Воейков. Профессор А.И. Воейков родился в Москве в 1842 году, учился в Гейдельберге и Геттингене. Он был членом Географи-

ческого общества, и в историческом здании общества в Санкт-Петербурге до сих пор висит его портрет. Главный его труд – «Климаты земного шара, в особенности России». В семье Воейковых его звали «дядюшка-профессор». Он был чудаком, вегетарианцем, обращал на себя внимание своим необычным внешним видом, одеждой. После смерти брата в 1896 году стал опекуном его детей, снял для них с матерью большую квартиру на Лиговке.

Почти все Воейковы были членами Географического общества, даже Александр Дмитриевич (Шура), живший после 1922 года в Маньчжурии. Старший сын Ольги Александровны родился в 1879 году в родном имении в Самайкине, умер в одиночестве от сыпного тифа в городской больнице в Харбине в 1944 году. Он учился в частной гимназии Гуревича в Санкт-Петербурге, затем на естественном факультете Петербургского университета, год проучился в Берлине. Он женился на Надежде Александровне Башмаковой, которая родила ему

сына Александра (Алек), но молодые родители вскоре развелись. До революции Александр Дмитриевич был известным в России ученым-ботаником, плодоводом. В 1905 году он организовал в Самайкине крупный научно-акклиматизационный помологический питомник, а при нем в начале 1906 года была открыта на собственные деньги частная научная школа садоводства для 30 человек. Питомник существует до сих пор. Александр Дмитриевич издавал с 1905-го по 1916 год бесплатный каталог, по которому можно было заказывать саженцы из питомника. В 1910 году он принимал участие в сельскохозяйственной выставке и съезде садоводов в Симбирске. С 1915 года работал уполномоченным Департамента земледелия по изучению сбора и культуры лекарственных растений в России, в частности в Симбирской и Оренбургской губерниях.

В 1919–1922 годах Александр Дмитриевич находился на Дальнем Востоке, работал в Приморском областном земстве, преподавал в Даль-

Надежда Александровна Воейкова с сыном Алеко. Самайкино, 1910 г.

невосточном пединституте. В Маньчжурии он работал семь лет заведующим опытным полем на станции Эхо, на КВЖД. Занимался изучением флоры этого региона. В 1938 году организовал другой опытный сад и питомник на станции Сяолин. Им написано около 70 научных книг и статей в различных ботанических изданиях. Он автор книги «Климат Маньчжурии». Шура Воейков оставался членом Географического общества даже после революции, в 1920–1930-х годах. Из писем Ольги Александровны известно, что А.Д. пытался через Вавилова печатать свои труды на родине, даже стремился в 1929 году вернуться. В письмах часто упоминаются попытки его матери послать ему в Маньчжурию то какие-нибудь статьи его советских коллег, то передать его же собственные статьи кому-то из них.

О двух старших Александрах Воейковых (Александре Ивановиче и Александре Дмитриевиче) уже немало известно по разным книгам и статьям. Но вот о третьем Александре Воейкове, о любимом внуке Ольги Александровны, в последних еще не опубликованных ее письмах за 1934–1936 годы даны интересные подробности о его жизненном пути.

Александр Александрович Воейков, сын старшего сына Ольги Александровны, родился в 1908 году в Самайкинском имении в дворянской семье с богатыми вековыми традициями. Но именно дворянское происхождение спустя двадцать лет будет главным препятствием в его жизни.

Два года подряд, в 1926-м и в 1927 годах он не мог попасть в ин-

ститут. Это объясняется, как писала Ольга Александровна своей дочери Кате в сентябре 1927 года, «нелепой преградой социального происхождения», а в письме отцу Алека, в котором она дает подробности конкурса, «27 чел. на каждое место», она добавляет: «Избиение младенцев жестокое». В 1928 году удалось наконец преодолеть социальное препятствие. В конце августа (еще нет полной уверенности) бабушка пишет: «Алек как будто прошмыгнул. Завтра объявят результаты. За Алеко блестящий экзамен прошлого года и тень заслуженного деда [А.И. Воейков. – В.Ж.]»

Алек поступил в электротехнический институт, в мае 1932 года окончил его и стал полноправным инженером. Он ждал назначения на работу, но, как пишет О.А., оно «зависит от Института, и их дипломы и бумаги не выдаются им на руки, а посылаются туда, куда их закрепили».

Алек Воейков

В последние месяцы Алек проходил очень успешно практику на заводе в Нижнем Новгороде, придумал какую-то машину и в итоге «получил благодарность и премию в 500 р.». Его бабушка не может нарадоваться его успехам, которые «сообщаются всем химическим заводам». И в августе она пишет его отцу в Харбин: «Алек выдвинулся в своих работах и пользуется некоторым авторитетом. Институт стремится его оставить у себя. Официально он назначен в Березники (Пермской). Его тоже тянет к себе один знакомый химик, читающий в их Институте. Пожалуй, первое время лучше остаться здесь, получать командировки в разные комбинаты, больше увидит».

Так молодой человек продолжал все лето 1932 года работать в институте, в лаборатории, вести исследо-

вания по опреснению. 12 декабря он сдавал дипломную работу. В итоге институт собирался его оставить аспирантом, и ему предлагали службу. Но Алека, оказывается, тянуло в далекие путешествия.

Напомним, что начиная с 1933 года Арктика становится «животрепещущим» вопросом, как пишет сама Ольга Александровна. Организовывается Лено-Хатангская экспедиция, которая должна была выбрать место и начать строительство порта в устье Лены. В результате на побережье моря Лаптевых был построен порт Тикси – морские ворота Якутии и форпост Северного морского пути. И вот Алек отказался от приглашения на работу, которое было сделано ему профессором Рабиновичем, уговаривающим его не уезжать. И бабушка поддержала внука: «для бодрости духа и для расширения кругозора ничего не заменит путешествия».

12 апреля 1933 года стало известно, что Алек собирается в далекое путешествие. Его экспедиция состоится на Крайний Север, за Полярный круг. «Он едет до 1 декабря, а быть может, останется на зимовку, как приглядится. Теперь они увидят незаходящее солнце, интересно будет посмотреть и непрерывную ночь».

Молодой человек в конце концов отправится 27 апреля, но до Иркутска должен был сам себя обеспечить едой, а страшный дефицит продуктов того времени беспокоил его семью.

Своим родным, живущим в Харбине, Ольга Александровна пишет: «развернул свои крылышки наш сокол и улетел в страну льдов. И страшно за него, и радостно! <...> Отправили его с хорошим руководителем. <...> Ехал он радостный, с восторгом».

Ольга Александровна дает немало подробностей о маршруте Алека: Иркутск, Качук, Якутск, Булун на устье Лены, Мыс Нордвик. Радует ее тому, что «после Иркутска они на казенных пропитании и одеянии». Сыну Шура она радостно сообщает, что участников экспедиции «кормят отлично, мясные обеды. Его участь лучше нашей».

О.А. Толстая-Воейкова с сыном А.Д. Воейковым (Шура), внуками Алеком и Марией. Харбин, 1925 г.

Но, увы, в октябре 1933 года бедного Алека постигло несчастье, страшно взволновавшее всю семью. Его начальника сняли с Лено-Хатангской экспедиции, и заодно из Москвы пришла телеграмма «Вернуть Воейкова!». Алек предложил остаться простым рабочим, и его новый начальник согласился на это. А весной 1934 года Алек (к счастью, уже не чернорабочий) перешел в гидрографический отдел с новым начальником Чирихиным.

Воейковы с нетерпением ждали письма от Алека, а почта шла долго,

очень долго, больше двух месяцев, две сентябрьские телеграммы дошли только в октябре. Полуслепая Ольга Александровна часто сама не могла прочесть многие из писем, написанные карандашом, так как почта часто попадала в воду.

В письмах Ольги Воейковой своим родным за 1934–1936 годы (эти письма еще ждут публикации) много внимания уделено дальнейшим перипетиям освоения Арктики. До возвращения Алека из Лено-Хатангской экспедиции в декабре 1934 года чуть ли не в каждом упоминании

Александр Александрович Воейков (слева) с бабушкой О.А. Толстой-Воейковой и семьей дяди Д.Д. Воейкова. Начало 1930-х гг.

наются заботы семьи о дальнем путешествии. Его мать навещается по возможности в Арктический институт, бабушка вырезает из газет разные статьи. Все научные и технические советские достижения широко освещаются в стране и находят горячий и восторженный отклик у населения. Это можно, пожалуй, объяснить повседневными трудностями. Арктическая эпопея служит отдушиной. Люди с талантом, со способностями стремятся что-нибудь совершить, чтобы вырваться из жуткой повседневности.

Что касается молодого Алека, дальнейшая его судьба трагична. После ареста в марте 1935 года и ссылки в Астрахань вместе с матерью произошло еще какое-то чудо в 1936 году: ему удалось приехать в Ленинград в командировку, так как он работал гидрологом в устье Волги. А дальше... После расстрела матери в Сталинграде в январе 1938 года след Алека потерялся.

Ольга Александровна так мечтала о том, чтобы третий Александр Воейков прославился в Географическом обществе после дядюшки Александра Ивановича – метеоролога, после отца ботаника-плодовода Александра Дмитриевича... Так хотелось бы дополнить биографию третьего Воейкова и для этого найти тетрадку, куда его мать, Надежда Башмакова, записывала «в хронологическом порядке все письма Алека, чтобы к его возвращению представить ему верное отражение первых впечатлений и переживаний длинного пути...».

Может быть, тетрадка сохранилась? Сохранились же письма Ольги Александровны и дневники ее дочери Кати...

Вероника Жобер

Париж. 15.11.2020

¹ Русская семья «dans la tourmente déchaînée...»: Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1927-1930 гг. / Публ. и коммент. В. Жобер. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2009. Когда жизнь так дешево стоит... Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1931–1933 гг. / публ. и коммент. В.П. Жобер. СПб.: Нестор-История, 2012.